

Российская внешняя политика ТРАДИЦИОННЫЕ ВЕКТОРЫ В НОВОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ

ПОНАРС Евразия
Аналитическая записка № 340
Сентябрь 2014

Ирина Кобринская
Институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО), Москва

Кризис в Украине трансформирует глобальный геополитический порядок. Он выявляет новые и высвечивает старые противоречия. Он также способствует наращиванию усилий по ускорению интеграционных процессов как на Востоке, так и на Западе. Соединённые Штаты со свежим энтузиазмом работают со своими партнерами в Европе и в Тихоокеанском регионе. Тем временем, Россия пытается укрепить свои традиционные партнерские отношения в Евразии и Азии, но европейский вектор остается главным для России, ибо её ключевые интересы в сферах экономики и безопасности не изменились.

В этом новом возникающем геополитическом контексте, восточный и западный векторы российской внешней политики приобретают, однако, разные значения и требуют к себе новых подходов. Новые стратегические вызовы выдвигают новые экзистенциальные проблемы для России. Как она может сохранить паритет в углубляющемся партнёрстве с Китаем? Каким образом она могла бы остаться лидером евразийской интеграции? Как Россия способна избежать дальнейшего ухудшения отношений с Европейским Союзом и Соединёнными Штатами? К каким новым форматам партнерства может стремиться Россия, чтобы избежать изоляции в свете тех санкций, которые накладываются на неё Западом в последнее время?

Новый мировой порядок

Очень немногие политологи, даже Збигнев Бжезинский, могли предвидеть ту ключевую роль, которую Украине предстоит сыграть в процессе переформатирования мирового порядка после окончания холодной войны. Украинский кризис положил конец длительному периоду «намёков», когда бывшие соперники эпохи «холодной войны» редко разговаривали друг с другом прямо (как это сделал Владимир Путин в своей мюнхенской речи) и никогда по-настоящему не достигали уровня реального понимания и доверия. Взаимные подозрения достигли своего пика в 2014 году, когда отношения между Россией и Западом характеризуются многими наблюдателями как «новая холодная война». Это

определение можно оправдать масштабом и уровнем враждебности. Однако, по крайней мере, четыре элемента делают российско-американские отношения отличными от тех отношений, которые имели место во время «классической» холодной войны.

Во-первых, в связи с распространением оружия массового уничтожения (ОМУ), очевидной неэффективностью режима нераспространения и недостаточными прозрачностью и ограниченностью договорами ядерного арсенала Китая, такой основополагающий принцип системы отношений времён «холодной войны», как ядерное сдерживание, более не работает. Это не означает, что новый период напряженности в отношениях между Россией и Западом не затрагивает военной сферы. Напротив, он придает новое значение и обоснование российскому военному строительству последних лет, (которое многими экспертами считается пагубным для развития экономики и социальной сферы РФ).

Во-вторых, глубокая взаимозависимость в глобальной экономической системе удерживает как Россию, так и Запад от слишком жестких и необратимых действий. Это обстоятельство хорошо иллюстрируется тем, как вводились санкции против России и какими разными были позиции западных стран по отношению к ним.

В-третьих, многочисленные проблемы глобальной безопасности – стабильность в Афганистане и Пакистане, Иран и Северная Корея, конфликты на Ближнем Востоке, наркотрафик, распространение ОМУ и терроризм – не могут быть решены без активного участия России или, по крайней мере, без её согласия.

Наконец, в связи с ростом новых развивающихся экономик, в первую очередь Китая, новая международная система не является более биполярной, как это было в время холодной войны.

Интеграция в новый мировой порядок

Кризис в Украине, который послужил непосредственной причиной ухудшения отношений между Россией и Западом, является лишь малой частью более масштабной международной трансформации. Развитие событий в Украине и их восприятие в России и на Западе могли бы быть иными, если бы эти события не последовали за вереницей конфликтов и революций, охвативших за последние несколько лет постсоветские (и постсоциалистические) государства и Восточную Европу, а также вслед за Арабской весной. В некотором смысле кризис в Украине приобрел столь серьёзное значение, будучи высшей точкой кумулятивного эффекта сложных отношений между Россией и Западом в последней четверти века.

Одним из элементов ныне происходящей новой «Большой игры» является борьба за максимальную независимость (что особенно подчеркивается в российских и китайских политических документах) и сохранение статуса в возникающем глобальном балансе сил. Еще один элемент – усиление собственной позиции посредством создания коалиций, что заставляет ведущие державы с новым рвением обратиться к интеграционным проектам.

Именно эта конкурентная борьба интеграционных проектов, а именно, между Восточным партнерством ЕС и российскими инициативами евразийской интеграции спровоцировала начало украинского кризиса в ноябре 2013 года.

Со времени распада Советского Союза Россия прилагала усилия к углублению и расширению евразийской интеграции, в частности, посредством создания Таможенного союза, Евразийского экономического союза (начало действия которого запланировано на январь 2015 года) и Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). С выводом из Афганистана контингента Международных сил содействия безопасности нельзя исключать более активной роли ОДКБ, также как и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в поддержании стабильности в Афганистане и Центральной Азии. Однако в рамках ШОС Россия стремится предотвратить доминирование Китая и пытается сохранить равный ему статус. Это стало препятствием для развития ШОС, особенно в финансово-экономической сфере.

Украинский кризис создал серьезные проблемы для российского проекта евразийской интеграции. Ту степень, в которой Россия потеряет Украину в качестве партнера в сферах экономики и безопасности, еще только предстоит достоверно оценить, что во многом зависит от исхода кризиса. Однако, политические потери уже есть. Партнеры России по Таможенному Союзу – Белоруссия и Казахстан высказали свои замечания, особенно по поводу присоединения Крыма к Российской Федерации. Убедить их в необходимости дальнейшей интеграции, включая передачу в какой-либо степени национальных полномочий Евразийской национальной комиссии будет сложно.

В последние несколько лет Россия начала восстанавливать и укреплять сотрудничество со странами, находящимися за пределами Евразии. Западные санкции предоставили основания тому, чтобы уделить еще больше внимания потенциальным партнерам в Центральной и Южной Америке, Восточной Азии и Тихоокеанском регионе. Если раньше Россия делала упор на усилиях по развитию двусторонних отношений, то теперь она уделяет больше внимания многосторонним институтам, примером чего являются российские усилия по наращиванию содержательности группы БРИКС.

Логика подхода Кремля состоит в том, чтобы войти в (и усилить) такие объединения, которые могли бы создать противовес западным (особенно инициированным США) интеграционным проектам, будь то проектам трансатлантическим или транстихоокеанским (российский политолог Сергей Рогов назвал США «властелином двух колец»). Подобные проекты не всегда ведут к изоляции России, однако они оставляют её в подвешенном положении. В то же время, в тех форматах интеграции, в которых Россия участвует (таких как ШОС) ей приходится добиваться равного с Китаем статуса. Поэтому, стремясь создать противовес Пекину, Москва укрепляет свои отношения с другими странами Азиатско-Тихоокеанского региона, особенно с Индией, Вьетнамом, Южной Кореей и Японией.

Конкретный характер этих новых международных отношений будет зависеть от исхода украинского кризиса.

В чём заключаются настоящие интересы России?

Ключевые цели России остаются теми же самыми: модернизация экономики и обеспечение стабильности внешней среды, которая должна быть благоприятной для внутреннего социально-экономического развития. Наряду со структурными реформами, модернизация предполагает реиндустриализацию страны на новом технологическом уровне, что, в свою очередь, требует новых технологий и инвестиций. Обеспечение внешней стабильности подразумевает урегулирование конфликтов в соседних государствах и противодействие наркоторговле, нелегальной иммиграции, терроризму и исламскому экстремизму.

При достижении первой цели – модернизации экономики – Европа является ключевым партнёром, как это показывает нынешняя структура экономических отношений России. В структуре российских торговых и инвестиционных связей Европа явно занимает приоритетное положение, и такая ситуация не может измениться в одночасье. В 2013 году объём торговли между Россией и ЕС был 417,5 млрд. долларов, что составляло 49,4% всего российского внешнеторгового оборота, тогда как объём торговли между Россией и Китаем был почти в пять раз меньше, составляя 88,8 млрд. долларов (10,5% от российского внешнеторгового оборота). Для сравнения, объём российской торговли с Соединёнными Штатами составлял 27,7 млрд. долларов (3,3%). В течение первых пяти месяцев 2014 г. статистический расклад не изменился: доля ЕС в российском внешнеторговом обороте составляла 49,6%, Китая – 11%, а США – 3,6%.

Особую важность для России имеют прямые иностранные инвестиции. В 2013 г. ЕС обеспечили 75,9% (60,2 млрд. долларов) от общего объёма таких инвестиций, тогда как Китай – лишь 0,9% (683 млн. долларов), что оказалось даже меньше того объёма инвестиций, который поступил из Венгрии. Доля США составила 459 млн. долларов (0,6%). Российские прямые иностранные инвестиции в ЕС в 2013 г. составили 21,9 млрд. долл. (23%), в Китай- 14 млрд. долларов и в США – лишь 763 млн. долларов (0,8%).

После введения Западом своих санкций нынешний баланс быстро не изменится даже в том, что касается торговли оружием. Объём российской торговли вооружениями составляет 15,2 миллиарда долларов, из которых около половины приходится на страны БРИК. Импорт оружия (не считая контракта на поставку вертолётоносцев типа «Мистраль», судьба которого не была решена в то время, как готовилась настоящая аналитическая записка) был на уровне 100-150 миллионов долларов, включая в себя электронное оборудование для самолётов и танков из Франции, а также беспилотники и электронное оборудование из Израиля. Россия также имела контракты в данной сфере с Италией, Германией, Швецией и с США (на поставку вертолётов в Афганистан).

Реальная проблема для России, возникающая в результате санкций, лежит в финансовой сфере и, особенно, в сфере технологий двойного назначения. Если нынешние тенденции не изменятся в среднесрочной перспективе, санкции могут оказать разрушительное воздействие на ход экономического развития страны. Китай не может заменить Европу в качестве источника технологий, да и чрезмерная зависимость от кредитов Пекина весьма нежелательна.

Как показывают недавние обращения и речи В.Путина, Москва осознаёт эту дилемму. Даже в своей мартовской речи по поводу Крыма В.Путин сделал реверансы в сторону Запада, то же самое произошло в июле после того, как был сбит пассажирский самолёт «Малазийских авиалиний». В своём выступлении перед российским дипломатическим корпусом в июле (состоявшемся в ходе проводимого дважды в год совещания, на котором определяются задачи российской дипломатии) В.Путин поднял ЕС до статуса внешнеполитического приоритета номер один для России, понизив тем самым приоритетность СНГ. Таким образом, делая шаги в направлении Востока, российский президент по-прежнему смотрит и на Запад.

Заключение

В обозримом будущем нынешние тенденции отношений между Россией и Западом, вероятно, сохранятся. Разжигание враждебности стало игрой тех политиков, которые пытаются сплотить общественное мнение. Однако ответственные реалисты с обеих сторон продолжают призывы держать двери открытыми для диалога если не на официальном уровне, то, по крайней мере, вести его другими способами.

**Elliott School of
International Affairs**

THE GEORGE WASHINGTON UNIVERSITY

PONARS ● NEW APPROACHES
E U R A S I A ● TO RESEARCH AND
● SECURITY IN EURASIA

© PONARS Eurasia 2012. Данный текст основан на аналитической записке на английском языке с тем же номером. ПОНАРС Евразия представляет собой международную сеть ученых, разрабатывающих новые подходы к изучению проблем внутренней и внешней политики, безопасности и сотрудничества в России и Евразии. ПОНАРС Евразия базируется в [Институте исследований Европы, России и Евразии \(IERES\)](#) Школы международных отношений им. Эллиотта Университета Джорджа Вашингтона. Публикация осуществлена при поддержке грантов Корпорации Карнеги в Нью-Йорке и Фонда Джона Д. и Кэтрин Макаргуров. www.ponarseurasia.org